

Ю.М. Поляков

ФАБРИКА ГРОЗ

СТАТЬИ
О ЛИТЕРАТУРЕ
И ИСКУССТВЕ

ИЗДАТЕЛЬСТВО
Прометей

Ю.М. Поляков

ФАБРИКА ГРОЗ

СТАТЬИ О ЛИТЕРАТУРЕ И ИСКУССТВЕ

МОСКВА
2021

УДК 82.09
ББК 83.3(2)6
П54

Поляков Ю.М.
П54 **Фабрика гроз: статьи о литературе и искусстве /**
Ю.М. Поляков. — М.: Прометей, 2021. — 306 с.

ISBN 978-5-00172-152-9

В сборник известного русского писателя Юрия Полякова «Фабрика гроз» вошли статьи и эссе, написанные им в разные годы и посвященные острым проблемам истории культуры, литературы, информационной сферы. Опытный публицист, автор с присущими ему точностью, образностью и иронией препарировывает навязываемые обществу мнимые художественные ценности, ложные авторитеты, сконструированные мифы, предлагает читателям взглянуть на нашу историю и культуру объективно, без гнева и пристрастия. По его мнению, превратное понимание того, что происходит в духовной сфере, чревато серьезными последствиями и даже «социальными грозами».

Эта книга будет интересна всем, кто мыслит самостоятельно.

ISBN 978-5-00172-152-9

© Поляков Ю.М., 2021
© Издательство «Прометей», 2021

ОГЛАВЛЕНИЕ

Зачем беллетристу публицистика? (Вместо предисловия).....	5
Право на одиночество (Из клетки — в клетку).....	10
Почему я вдруг затосковал по советской литературе	16
«Я не люблю иронии твоей...»	23
Паруса несвободы	29
Призрение или презрение?	39
Прозрений дивный свет. К 100-летию Сергея Есенина	44
Словоблуждание	50
Не чужа страны	62
Не возвращайтесь, Владимир Семенович!	67
Фабрика гроз.....	69
Светоносный. К 200-летию Пушкина	81
«Холуин» — праздник творческой интеллигенции	87
Соросята	91
Слово — не птеродактиль. Вместо манифеста	93
Триста лет вместе. Юбилейная инвектива	98
Ярмарка тщедушия	101
Возвращение Горького	105
Шолохов и «шелуховеды». Опыт юбилейной апологетики ..	109
Зачем вы, мастера культуры?.....	113
Писатели и ПИПы.....	149
Песней — по жизни	165
Бузите — и обряцете!	187
Назначенные классики	190
«Россия, встань и возвышайся!» Слово о Пушкине, произнесенное в Музее А.С. Пушкина на Пречистенке 10 февраля в час гибели поэта	193
Косяк на Камергерском.....	199

Оскародоносец	201
Первый, оздоровительный... ..	203
Прикол века	207
Левиафан и Либерифан	209
Булгаков против электро-театра	215
Мейнстрим андеграунда. (О Сергее Довлатове)	237
Куда девалась литература?	239
Кустарь с монитором. К Международному дню писателя.....	242
Без искры божьей. Выступление на Пасхальных чтениях в Совете Федерации	253
Богу надо помогать!	256
Мельпомена поверженная	268
Слово, цифра и «бушующая наглость»	289
«Пафосно закопали!»	301

ЗАЧЕМ БЕЛЛЕТРИСТУ ПУБЛИЦИСТИКА? **(Вместо предисловия)**

Когда я был начинающим читателем, меня огорчало, что в собраниях сочинений классиков следом за любимыми произведениями идут зачем-то тома с публицистикой. «Не могу молчать!» Эх, Лев Николаевич, лучше бы ты помалкивал и сочинял продолжение «Войны и мира», а то ведь так и не рассказал нам, как Безухов стал декабристом и как Наташа поехала за ним в Сибирь. Или — Пушкин! Сколько наш гений потратил сил на газетные перепалки с Булгариным, а «Египетские ночи», отраду отроческого эротизма, так и не закончил. Брюсов дописал, но это совсем не то. Жаль!

Только с годами я понял, какое это увлекательное чтение — публицистика былых времен. Она доносит бури и страсти минувшего, нравственные искания и политические сшибки, которые сотрясали людей, давно умерших, и страны, давно исчезнувшие с карт! Нет, это вовсе не прошлогодний снег, это, скорее, некогда раскаленная, а теперь навсегда застывшая лава, но ее прихотливые нагромождения, если присмотреться, странно напоминают ландшафт нашей нынешней жизни.

Впрочем, ничего удивительного: все проклятые вопросы и бездонные проблемы мы получили в наследство вместе с нашей землей, историей, верой, вместе с супостатами — внутренними и внешними. Прочтешь порой какое-нибудь место из «Дневника писателя», глянешь в телевизор, послушаешь очередного вольнонаемного охмурялу и ахнешь: «Ну, Федор Михайлович, ну, пророчище!»

И все же: почему поэты, прозаики, драматурги пишут статьи? Неужели они не могут свести счеты со временем при помощи, скажем, могучей эпопеи, разительной поэмы или комедии, которую современники тут же растащат на цитаты, как олигархи — общенародную собствен-

ность? А ведь есть еще сатиры, эпиграммы, памфлеты, антиутопии, позволяющие от души поквитаться с неудовлетворительной, а то и подлой действительностью. Но литераторы, в том числе и автор этих строк, продолжают упорно писать статьи, отвлекаясь от создания полноценных текстов. Почему?

А потому, что художественное творчество — дело долгое, трудоемкое, противоречивое и непредсказуемое по результату. Пишет, человек, пишет, правит, переделывает, вскакивает в восторге из-за письменного стола, называет себя от избытка чувств «сукиным сыном» и объявляет, что «сегодня он гений», а потом вдруг раз — и рукопись в печку. И нет второго тома «Мертвых душ», а есть «Выбранные места из переписки с друзьями», которые лучше читать на ночь, от перевозбуждения. Или взять «Пирамиду» замечательного Леонида Леонова. Книга всей жизни, а попробуйте прочесть до конца...

Да и само влияние художественного текста на общество, если признаться, неочевидно и ненадежно, оно напоминает скорее поддерживающую терапию или даже гомеопатию. Но что же делать, если требуется молниеносное врачебное вмешательство — тот же прямой массаж сердца? Ведь случаются события, от которых, как верно пелось в революционной песне, «кипит наш разум возмущенный», когда хочется отхлестать гнусную рожу действительности наотмашь, вывалить политикам, соотечественникам, самому себе все и сразу, пока не остыл, не забыл, не перекипел, не переболел, — ведь отходчив русский человек, непростительно отходчив, великодушен и забывчив. Из-за этого он многое теряет перед иными племенами, злопамятными, мелочными и мстительными... Примеры? Они перед глазами.

Кстати, реакция общества и власти на актуальные публицистические высказывания гораздо острее и болезненнее, нежели на художественно упакованные инвективы. Иные начальники государства даже испытывают пикантное возбуждение, узнавая себя в цветистых сар-

казмах романиста. Один крупный кремлевский политтехнолог, родственник раскрученного прозаика, борющегося «за правду», аж взомлел от счастья, узнав себя в романе Александра Проханова «Виртуоз», и потом в знак благодарности оказывал поддержку газете «Завтра», за что ему отдельное спасибо.

Но не дай бог заикнуться о том же самом в статье, да еще в популярной периодике: старуха Цензура тут же заточит свой синий карандаш. 6 октября 1993 года «Комсомольская правда» опубликовала мою статью «Оппозиция умерла. Да здравствует оппозиция!», осуждавшую расстрел Белого дома. Антиельцинские издания были к тому времени запрещены, и мой текст оказался единственным в открытой прессе протестом против утверждения демократии с помощью танковой пальбы по парламенту. Между прочим, большевики, стократ проклятые за жестокость, Учредительное собрание всего-навсего распустили, сославшись на усталость караула. Почувствуйте разницу!

В итоге «Комсомольскую правду» тоже закрыли. Правда, на один день. Потом одумались и открыли. А меня занесли в какой-то черный список, из которого вычеркнули только после прихода Путина, а теперь, после цикла статей «Желание быть русским», кажется, снова внесли. Не могу сказать, что это сильно омрачило мне жизнь, хотя, скажем, из школьной программы тогда, в 1993-м, разом вылетели мои повести, а из энциклопедий исчезла всякая информация обо мне. «Литературная газета», где я прежде был любимым автором, закрыла передо мной редакционные двери до скончания века, точнее, до мая 2001 года, когда меня призвали туда главным редактором. Нет, я не жалею, а хочу обратить внимание на то, что любая власть борется с инакомыслием одинаково: начинает с замалчивания, а заканчивает замачиванием.

В мае 1994-го в той же «Комсомольской правде» было напечатано мое эссе «Россия накануне патриотиче-

ского бума». Друзья и недруги решили, что я повредился в уме от политических треволений. В самом деле, в то время слово «патриот» стало почти бранным, а теледикторы если и произносили его, то с неприменной брезгливой судорогой на лице. Не знаю, откуда у реформаторов взялась уверенность, что строить новую Россию нужно на фундаменте стойкой неприязни к Отечеству, но могу предположить: идея исходила от тех политических персонажей, которые видели в «новой России» лишь факторию для снабжения цивилизованного Запада дешевым туземным сырьем.

С патриотизмом новая власть боролась так же истово и затейливо, как прежние воинствующие безбожники с религией. И так же безуспешно. Мой прогноз оказался верен: сегодня патриотизм опять в чести, государство финансирует дорогостоящие программы по воспитанию отчизнолюбия, на автомобилях развеваются георгиевские ленточки, кудрявые эстрадные попрыгунчики снова запели о русском раздолье, а те же самые теледикторы артикулируют трудное слово «патриотизм» с тяжким благоговеньем. Но почему, почему же у меня никак не исчезнет ощущение, что живу я все-таки в фактории, занимающей одну седьмую часть суши?

Когда в 1997-м я впервые собрал воедино статьи, написанные в течение десяти лет и разбросанные по газетам-журналам, у меня получился своего рода невольный дневник. Именно дневник. Во-первых, я живо откликался на все значительные события и происшествия, во-вторых (это главное!), всегда был искренним в своих суждениях и оценках. Поверьте, искренность в писательской публицистике встречается не так уж часто, хотя, казалось бы, именно своей откровенностью, прежде всего, интересен обществу литератор. Лукавство — это, скорее, трудовой навык политика. Впрочем, по моим наблюдениям, число профессионально неискренних писателей неуклонно растет и множится. Это, наверное, какая-то мутация, вроде клопов с запахом «ШANELI».

И нынче редкий столп общества или вечно-лояльный деятель культуры отважится свести в книгу и представить на суд читателя свои статьи именно в том виде, в каком они увидели свет двадцать, десять или пять лет назад. Для этого надо верить в то, что твоя деятельность не была противоречива до идиотизма или изменчива до подлости. Я же не боюсь предстать перед читателем в изменчивом развитии, ибо заблуждался не в поисках выгоды, а если и обольщался, то от бескорыстной веры в торжество справедливости и здравого смысла, который побеждает обычно в тот момент, когда башня, сложенная из нелепостей и сцементированная лукавством, падает на головы строителям.

Для сборника «Фабрика гроз» я отобрал статьи о литературе и искусстве, написанные мною за тридцать лет. Готовя тексты к печати, я лишь исправил ошибки, неточности и погрешности стиля, объяснимые жгучей торопливостью, но оставил в первоизданном виде все прочее, хотя мне и неловко за некоторые мои тонкоголосые пророчества, наивные суждения и поспешные филиппики в адрес иных мастеров культуры. Зато кое-какими моими прогнозами и оценками я горжусь, как поэт гордится метафорой, такой яркой и внезапной, что соперникам по джигитовке на Пегасе остается лишь завистливо цокать языками.

И последнее замечание. Публицистика необходима писателю еще по одной причине. Статьи, точно предохранительные клапаны, позволяют литератору выпустить лишний пар — социальный гнев, ярость оскорбленной нравственности, мимолетную обиду на подлость эпохи, тоску бытовых неурядиц. Это важно, ибо настоящий художник не должен валить в свое произведение шелуху сиюминутности, он обязан отбирать осмысленные зерна жизни. Ныне появились многочисленные литераторы, которые с помощью сочинительства лечат себя от ночных кошмаров и социального уныния, но, увы, чтение их текстов мало чем отличается от визита к дантисту, подрабатывающему на поприще проктологии. Да, художник

имеет право на пристрастие, но без гнева. Он должен попытаться понять всех, ведь у самого последнего негодя есть своя правота перед Богом, а у самого нравственного человека — свои помрачения сердца.

Но об этом — в моих романах, повестях, пьесах...

2013, 2021, Переделкино

ПРАВО НА ОДИНОЧЕСТВО (Из клетки — в клетку)

«Раньше в Тульской губернии был один писатель, но Лев Толстой... А теперь? В масштабах страны вообще их прорва. Графоманы... Печатают друг друга — “взаимное опыление” называется, деньжищу лопатой гребут, а на Булгакова бумаги не хватает... Кончать надо с литературными генералами. Если папа писатель, детки — тоже. А если вступил, никаких проблем... И вообще, у них там в Союзе писателей одни евреи и черносотенцы...»

Вот так или примерно так осели в рядовых советских мозгах те страсти, которые уже пять лет бурлят на писательских пленумах и съездах. И от литераторов ждут или самороспуска, или покаяния, давно уже ставшего формой приспособления к политической ситуации, или последнего, решительного боя с главным злом, которое каждый понимает по-своему.

Отпеть и похоронить явление, не вписывающееся в твою собственную картину мира, — это проще простого и, к сожалению, соответствует печальной отечественной традиции, в противном случае нашим сегодняшним гербом мог оказаться двуглавый орел с серпом и молотом в лапах. Вряд ли кто-нибудь и ныне будет оспаривать монстрозность феномена, имя которому — советская литература. Но ведь и на монстра можно смотреть по-разному, прикидывая наметанным глазом, какую яму копать под

это чудище, или соображая, как же его так изуродовала жизнь, за что?!

Во всяком случае, если выбирать между позицией Виктора Ерофеева и позицией Мариэтты Чудаковой, мне ближе вторая. Хотя точка зрения Ерофеева на сегодняшний день выигрышнее, товарнее, что ли... В самом деле, поворотившись к текущему моменту, как любили выражаться основоположники, обнаружим: особенность нынешних литературных схваток заключается в том, что одни писатели вообразили себя могильщиками, а другие никак не хотят смириться с ролью мертвого тела, готового к погребению. Положение, по-моему, совершенно бесперспективное, и судьба приснопамятного могильщика буржуазии тому доказательство.

Но дыма без огня не бывает. Нынче да наших глазах заканчивается — отсюда и похоронные настроения — целый период, эпоха в истории отечественной словесности. Я бы назвал ее малой коллективизацией, в отличие от коллективизации большой, лишившей страну крестьянина-кормильца. Малая коллективизация — это в какой-то мере душераздирающее возмездие за 100 000 разгромленных помещичьих усадеб. История неразборчива в способах мести...

Сегодня, когда выясняют, почему такое могло стрястись с «умным, бодрым нашим народом», известную долю ответственности, и не впервой, берут на себя деятели культуры, писатели в частности. Общеизвестно, что у буревестников революции крылья опустились довольно скоро. Они поняли: новым властителям страны не нужны властители дум. Им нужны проводники идей. Вместе с тем «капитаны Земли» умело воспользовались исторически сложившейся склонностью российских деятелей культуры к тому, что я назвал бы «поводыризмом», и решительно придали ему четкую политическую направленность взамен традиционно мучительного нравственного поиска.

Мало того, культура, и в частности литература, стали коллективными поводьями. У крестьян отняли и обобществили землю, у писателей — свое, личное, суверенное понимание смысла бытия и назначения искусства. Любые попытки отстоять право на единоличность в этом разгуле коллективизма пресекались, и чем дальше, тем жестче. Но прискорбнее всего тот факт, что многие мастера художественного слова согласились на этот коллективный, идейно выверенный «поводыризм» без особых терзаний, ведь гораздо проще увивать гирляндами художеств генеральную линию партии, нежели страдать, мучиться, искать свою собственную правду да потом еще отвечать за нее перед людьми. А тут всю полноту ответственности берет на себя новая власть, разве что перед смутной идеей, но это, как говорили в детстве, не считается. И в красивом соцреалистическом заклинании: «Мы пишем по велению сердца, а сердца наши принадлежат партии» («...и народу» в литературном обиходе обычно опускалось) — скрыта огромная разрушительная сила, в конечном счете почти низведшая великую культуру до положения политической приживалки. А как быть приживалке, лишившейся патронессы? Одно из двух: или учиться жить одиноко и самостоятельно, или искать новую барыню.

А теперь, возможно, я возражу сам себе. Презрительно-уничжительный взгляд на «совковую» литературу эффектен, но не эффективен. Во-первых, упускается из виду тот факт, что произрастала эта литература на почве естественного послереволюционного оскудения и упадка культуры. Стоит ли уж так презирать тех, кто вынужден был начинать почти с нуля? Во-вторых, это была пусть уродливая, но форма приобщения «внутреннего варвара» (С. Франк) к еще недавно громимой им культуре. В-третьих, развивалась эта литература в железной идеологической клетке, задуманной так, чтобы и без того уродливого младенца превратить вообще в монстра. Остается лишь поражаться тому, что советская литера-

тура сохранила в себе хоть что-то из родовых черт отечественной классики.

Необъяснимо другое: почему сегодня выпущенные из огромной общей соцреалистической клетки писатели стремительно разбегаются по клеткам маленьким? Почему, избавившись от навязанного коллективизма, они тут же начинают исповедовать коллективизм добровольный?

Если еще недавно писатель имярек издавал свои никем не читаемые книги благодаря активной работе в руководящем органе писательского союза, то теперь он издается благодаря своей активной работе в руководящем органе какого-нибудь новейшего движения. С политической точки зрения разница огромная. С эстетической — никакой. Если в застойный период критика, наиболее изгибчивый жанр изящной словесности, в основном обслуживала амбиции литчиновников и занималась алхимическими поисками соцреалистического камня, то нынче мы имеем почти ту же самую критику (и критиков), на тех же самых принципах обслуживающую амбиции тех или иных литературных команд. Те же умные, тонкие рецензии на дурацкие тексты, те же трепетные ссылки на имена, которых читатель и знать не хочет, то же священнодейственное выстраивание обойм с холодными литературными патронами. Нет, я не наивен, я понимаю: командам нужны авторитеты, лидеры, срочно нужны, вот их и генерируют по тем же самым методикам, что и некогда столпов соцреализма: «Есть мнение, что Н. — большой художник». Если одна писательская стенка идет на другую, о какой широте и корректности оценок тут можно говорить; на войне как на войне!

Если смыть боевую раскраску, станет понятно: почти все борются за идеи, вполне имеющие право на существование. Вряд ли кто-то будет утверждать, что возрождение народа, серьезные сдвиги в материальной и духовной сферах возможны без роста, даже взрыва национального самосознания. Или спорить с тем, что интернационализм, доведенный до беспамятства, губителен, а патриотизм —

мощный источник созидательной энергии... С другой стороны, едва ли кто-нибудь будет спорить и с тем, что национальная спесь, тупой шовинизм — вещи страшные, что за идею превосходства одной нации над другой заплачено очень дорого. А поди ж ты, две эти взаимодополняющие точки зрения развели по разные стороны баррикад несколько хороших и множество разных писателей. Почему? А потому, что наша литература на тех же коллективистских принципах, на каких она ранее старательно обслуживала власть, теперь включилась в борьбу за нее. Точнее, принялась обслуживать силы, борющиеся за власть. Затем, видимо, чтобы еще раз убедиться, что любая революция исчерпывается строчками известной песенки:

За столиком нашим
Сидят комиссары
И девочек наших
Ведут в кабинет...

Белый и красный цвета могут мирно соседствовать на одном флаге, а могут стать символами противоборствующих сил. Дело не в цвете, дело — в цели. Вот и нынче не так уж важно, что твои убеждения по сути не противоположны убеждениям противника, главное — представить их противоположными в глазах публики. Так было, так есть, так будет. Ибо всегда отыщется множество тружеников пера, способных существовать только в окололитературной сваре. Вытащенные наверх, в собственно литературу, они гибнут от творческого удушья. Мне даже иногда кажется, что само писательство для них лишь пропуск туда, где можно посражаться, неважно даже с кем... Это как в модном казино, куда пускают только во фраках. Нет, я никого не осуждаю, каждый живет в литературе, как умеет. Хочешь жить в ватаге — ради бога. Но не надо доставать других осточертевшим за советский период многозначительнейшим вопросом: «С кем вы, мастера

культуры?», от которого всего шаг до другого вопроса, очень нехорошего: «А с кем это вы, мастера культуры?» С кем... с кем... Да ни с кем!

Обдумывая эти заметки, я так и хотел назвать единственно возможную, на мой взгляд, для художника позицию «неприсоединения». Но пока я обдумывал, группа писателей, чтобы ловчей было не присоединяться, соединялась в группу неприсоединившихся. Тогда я понял, что попросту нашел неточное слово — «неприсоединение». Наверное, правильнее — «одиночество». В том смысле, в котором одиноки были Гоголь, Достоевский, Толстой, Чехов, Ахматова, Булгаков, Пастернак, Солженицын, Пушкин конечно же:

Ты царь: живи один. Дорогою свободной
Иди, куда влечет тебя свободный ум...

Свободный. Нашей пропаганде всегда было милее «свободолюбивый», нежели «свободный». Оно и понятно: свобододолюбивый человек безопаснее, чем свободный. Глумливая мудрость бытия заключается в том, что, ступив на путь борьбы за свободу, человек тут же попадает в зависимость от законов этой борьбы. И он уже идет не туда, куда влечет его свободный ум, а куда влечет логика политической схватки.

Мне кажется, с высот свободного ума застойное единомыслие мало чем отличается от единомыслия перестроечного: так угрюмо преданный принципам ретроград тождествен обаятельно-беспринципному прогрессисту. По конечному, так сказать, результату... Разумеется, никто и не помышляет о *башнеслоновокоственном* варианте: не зависеть от происходящего в стране невозможно, но независимо оценивать происходящее можно и должно. Именно в этом смысле свободный ум одинок, именно в этом смысле одиночество — единственная нравственная позиция, позволяющая художнику давать гуманистическую оценку происходящему. Классическая русская

литература достигла горних высот именно потому, что ее создавали люди, знавшие цену одиночеству.

Не стоит думать, будто такая позиция наиболее комфортна, мол, «двух станов не боец». Напротив, те, кто объединен в команды, говоря современным языком, лучше социально защищены. Достаточно напомнить, что все наши литературные полемики проходят по принципу «Наших бьют!». Не участвуя в этой азартной игре, литератор оказывается предоставлен сам себе, и в хорошем, и в плохом смысле этого состояния. Он упоительно одинок в творчестве, и он тяжело одинок в литературе. Но, наверное, только этой дорогой можно от шумливого свободолюбия прийти к подлинной внутренней свободе, а значит, и к серьезным художественным результатам.

Заканчивая, хочу сделать чистосердечное заявление: у моих заметок об одиночестве есть крупный недостаток. Они неоригинальны. Очень похожие мысли я сам неоднократно встречал у самых непохожих авторов, живших в самое разное время. Общим у этих авторов было одно — все они остались в литературе, если оценивать их в соответствии с одной любопытной классификацией писательских судеб. Каждый писатель имеет возможность остаться или в истории литературной борьбы, или в истории литературы, или в литературе. В первом случае о нем вспоминают, во втором — его знают, в третьем — читают. Последнее — самое трудное, почти невозможное, испепеляюще непредсказуемое. Но только ради этого стоит садиться за письменный стол и пытаться. В одиночестве...

«День», № 1, ноябрь 1990

ПОЧЕМУ Я ВДРУГ ЗАТОСКОВАЛ ПО СОВЕТСКОЙ ЛИТЕРАТУРЕ

Сознаться сегодня в приличном обществе, что тоскуешь по советской эпохе, — примерно то же самое, как

в году 25-м сознаться, что скучаешь по царизму. Расстрелять не расстреляют, но на будущее обязательно запомнят...

И все же.

Я не стану рассуждать о России, которую мы потеряли. Это тема необъятная, и об этом еще будут написаны тысячи томов стихов, прозы, публицистики, следственных дел. Я хочу немного поговорить о литературе, которую мы потеряли. О советской литературе. Согласен, само определение — «советская» — довольно нелепо. Почему в таком случае не «нардеповская» или «совнаркомовская»? Но, с другой стороны, ведь не вычеркиваем мы из мировой истории коренных обитателей Американского континента лишь потому, что в результате навигаторской ошибки их назвали «индейцами»! Хотя, кто знает, может, это и было первопричиной их печальной судьбы?..

Мы все в неоплатном долгу перед советской литературой. Говорю это совершенно серьезно, отбрасывая в сторону столь милую лично мне и моему поколению «мировую иронию». Именно она, советская литература, волей-неволей восприняв художественную и нравственную традицию отечественной классики, смогла противостоять той «варваризации» общества, которая неизбежна в результате любой революции. А известные заслуги литературы перед революцией обеспечили ей даже некоторые послабления: Священное Писание в атеистическом государстве было фактически запрещено, а «Воскресение» или «Двенадцать» включались в школьную программу. Да и вообще «преодоление большевизма» началось уже тогда, когда красноармеец Марютка завывала над бездыханным белогвардейцем Говорухой-Отроком, а профессор Преображенский взял да и вернул Шарикова в первобытное состояние. И если бы большевики, опамятавшись, не начертали «Россия, единая и неделимая» симпатическими чернилами на своем красном знамени, то, вполне возможно, возвращение в лоно цивилизации происходило б не сегодня по записочкам Бурбулиса, а полвека назад

по задачам И. Ильина. Кстати, не этим ли «симпатическим» лозунгом объясняется обилие красных флагов на митингах нынешней оппозиции, в своем большинстве совсем не мечтающей о возвращении в развитой тоталитаризм?

Да, девяносто процентов из написанного в советский период отечественной литературы сегодня читать невозможно. Точно так же, как невозможно сегодня читать девяносто процентов из всего написанного за последние семь десятилетий во Франции или в США. Эти книги устарели вместе со своей идеологией, которая есть в любом обществе, независимо от того, есть ли в нем идеологический отдел и вообще ЦК. Там тоже были свои комиссары в пыльных шлемах, свои павлики морозовы, свои целинники и ферапонты головатые. Кстати, «Золотая фильмотека Голливуда», показываемая ныне по нашему ТВ, — самое удивительное тому подтверждение! А социализм... Социализм был общепланетарным наваждением заканчивающегося века, а мы народ отзывчивый, увлекающийся. Знаете, как бывает: втянули ребята постарше простодушного паренька во что-нибудь, но сами-то вовремя опомнились, а паренек за всех и отдувался. И великая литература с ним тоже вместе отдувалась...

Всем еще памятно, какая у нас была цензура и как она охотно в отличие от своей дореволюционной предшественницы владела шпицрутенном! Тотальная была цензура: уйти от нее можно было, только эмигрировав, а преодолеть — только художественно. И ведь преодолевали! Борясь за свободу слова, советская литература была вынуждена выдавать тексты с такой многократной степенью надежности, что цензура была бессильна. Знаменитый подтекст Хемингуэя — забава в сравнении с подтекстами советских писателей. Это была мощнейшая и сложнейшая крипто-эстетическая система, понятная читающей публике, да и цензуре тоже. Однако произведения, где инакомыслие достигало градуса художественности, входили (не всегда, но чаще, чем нынче изображают)

в правила той странной игры, которая завершилась падением постылого режима и распадом горячо любимой страны.

Советская литература была властительницей дум в самом строгом и упоительном смысле этого слова! Это настолько очевидно, что даже не буду доказывать, а просто предлагаю припомнить общественный трепет, связанный с выходом новой повести Ю. Трифонова или романа В. Астафьева, книги стихов Владимира Соколова или постановкой пьесы А. Вампилова... Имена подобраны в духе личных пристрастий, но каждый может длить этот список по своему вкусу. А обязательный ответственный работник ЦК КПСС, сидящий на писательских собраниях и строчащий что-то в своем служебном блокноте, — это и фискальный знак эпохи, но это и знак уважения власти к литературе, к ее власти над умами...

Тут я, что называется, подставляю горло любому критику с большой дороги: мол, вот она, рабская натура, вот она, тоска по кнуту. Грешен, недовыдавил из себя раба, но иногда мне кажется, что человек, родившийся и сложившийся в тоталитарном обществе, может выдавить из себя раба только вместе с совестью. Во всяком случае, исторически и психологически мне понятнее А. Фадеев, визирующий присланные с беспощадной Лубянки списки приговоренных, чем седоусый «апрелевец», призывающий набычившегося всенародно избранного «власть употребить».

Но пойдем дальше. Советская литература, особенно если брать ее последнюю золотую четверть века, была той редкостной сферой, где осуществилось почти все, декларированное, но не воплощенное в жизнь большевиками. (Не путать с коммунистами — они у нас у власти никогда не были.) Но история ждать не любит, поэтому объяснения нынешних политиков, исповедующих коммунистические ценности, напоминают обещания отвергнутого мужа не изменять и носить на руках. С одной стороны, очень хочется поверить, а с другой — обидно второй раз ока-

заться в дураках. И так, в литературе мы имели жизнь, где в конечном счете побеждали или хотя бы, погибая, показывали свое нравственное превосходство люди честные, добрые, талантливые, бескорыстные... А что касается книжек про кулаков и вредителей, то это тоже наднациональная черта любой литературы — образ врага. Только мы самокритично нажимали на врага внутреннего, а те же американцы — на врага внешнего. Сегодня, когда идет обвальная перевод средней американской литературы, этот факт очевиден. Кстати, может быть, именно поэтому они остались сверхдержавой, в то время как мы спихнулись с дистанции.

А привитая людям у нас в стране любовь к художественному слову! Где это, интересно знать, не сотня-другая эстетов, а сотни тысяч обыкновенных людей читали бы интеллектуальную прозу А. Битова или разгадывали историко-литературные шарады мовиста В. Катаева? Или покупали из-под полы долгожданную первую книжку Олега Чухонцева? Не-ет, иногда мне кажется, что развитой социализм — это лучший строй для обеспечения читательского досуга. Если б он еще изобилие обеспечивал — цены б ему не было! Однако серьезные ученые уверяют, что мировая цивилизация будет развиваться в сторону ограничения потребительской разнузданности. Раз так — к опыту социализма, запечатленного, в частности, в советской литературе, человечество еще вернется.

А вспомним Дни советской литературы! Писатели, подавленные местным гостеприимством, влекутся вдоль бесконечного конвейера того же КамАЗа и вяло слушают объяснения главного инженера. А вечером — многотысячный зал, и заводчане, как тогда выражались, слушают гостей-писателей, а наиболее любимых узнают и хлопают заранее. И если во время такого вечера Сергей Михалков в президиуме наклонится к первому секретарю горкома и попросит дать квартиру местному талантливому поэту — через месяц-два новоселье! Я не любил Дней литературы: мне было стыдно с похмелья шататься среди работающих

людей, мне была смешна организованная местным агитпропом всенародная любовь к литературе. Но нынешнее забвение и равнодушие, оно не смешно, а страшно. Девочке, которая хочет «во-от такой миллион», неинтересен Том Сойер, если он не находит в конце клад. Сегодня в литературе, как мне приходилось уже писать, «кафейный период» — был такой в Гражданскую войну, когда все остановилось, и чтобы обнародовать свое новое творение, писатель заходил в литературное кафе, заказывал на последние морковный кофе и ждал кого-нибудь в слушатели. На заваленных всем чем угодно — от Сведенборга до «Счастливой проститутки» — книжных прилавках современных российских писателей вы почти не найдете. Их издавать невыгодно — и поэтому у них «кафейный период». Заметьте, я говорю не об идейно выдержанных бездарях, они-то как раз устроились и рьяно обслуживают теперь каждый свою крайность. Я говорю о талантливых писателях, которых читали, обсуждали, покупали... Они стали хуже писать? Нет, просто люди стали хуже читать. Привычка к серьезному чтению — такое же достояние нации, как высокая рождаемость или низкое число разводов. Добиться трудно — а утратить очень легко. Ведь добро должно быть не с кулаками, а с присосками, чтобы не соскользнуть по ледяному зеркалу зла в преисподнюю. Восстановление поголовья серьезной читательской публики — общенациональная задача на ближайшие десятилетия.

Но как же случилось, что отечественная литература оказалась в брошенках именно тогда, когда она, к счастью, духовно обеспечила победу демократии и, к несчастью, победу демократов?! Ну подумайте сами: на площади людей выводило истощное чувство социальной справедливости, воспитанное, между прочим, этой самой советской литературой. Вроде как и поблагодарить надо. Ан нет, какой-нибудь косноязычный партократ, брошенный с коксохимии на культуру, заботился о писателях поболее, чем наши нынешние деятели, которые совершенно спра-

ведливо в графе «профессия» могут писать «литератор». Да, литераторы — и по результатам политической деятельности, и по вкладу в родную словесность: жанр мемуаров быстрого реагирования изобретен ими.

В чем же дело? Руки у них не доходят? Возможно... Но я подозреваю, дело в другом: литература — властительница дум — может снова вывести людей на площади, на этот раз с прямо противоположными целями. Допустить этого нельзя, но снова затевать цензуру — глупо. Во-первых, сами промеж собой недодрались, а во-вторых, снова у писателей появится ореол мучеников — и, значит, влияние на умы. Все можно сделать гораздо проще. Горстью монет, сыпанной в носок, можно прибить человека, а можно и литературу. Надо только знать, куда ударить...

Написал — и засомневался: сгустил по российской литературной традиции краски. Потом подумал, еще поозирался кругом и понял: ничего я не перебрал. Одни писатели (в количестве, даже не снившемся застою) работают, чтобы прокормиться, сторожами, грузчиками, лифтерами, но западные журналисты не заезжают к ним, чтобы узнать, как идет работа над романом-бомбой. Другие ушли в политику, но там, сами понимаете, вовремя разбитые очки важнее вовремя написанной поэмы. Третьи стали международными коммивояжерами и мотаются по миру, чтобы с помощью родни и друзей пристроить свой лет двадцать назад написанный роман, про который и в России-то никто слыхом не слыхивал. Четвертые ушли в глухую оппозицию, пишут в стол, но ящик стола уже не напоминает ящик Пандоры, а скорее свинцовый могильник, да и за несуетную оппозицию теперь не дают госдач в Переделкине, как прежде. Пятые... На похоронах пятого, моего ровесника, я был недавно.

А когда я думаю о советской литературе, у меня на глаза наворачиваются ностальгические слезы, как если б я зашел в мою родную школу.

«Комсомольская правда», июль 1993

«Я НЕ ЛЮБЛЮ ИРОНИИ ТВОЕЙ...»

Начну, как это ни предосудительно, с самоцитирования. Лет пять назад я опубликовал в «ЛГ» статью, где были, между прочим, и такие строки: «Блистательный щит иронии! Мы закрывались им, когда на нас обрушивались грязепады выпренного вранья, и, может быть, поэтому не окаменели...» Сегодня от этих слов я не отказываюсь. Да. Ирония вкупе с самоиронией была средством психологической, нравственной защиты от нелепого жизнеустройства, а автор этих строк был именно за ироничность своих повестей и бит, и хвалим. Напоминаю все это не из тщеславия, а лишь для того, чтобы неискушенный читатель не подумал, будто имеет дело с эдаким Угрюм-Бурчеевым, которому вообще не нравится, когда люди улыбаются, а тем более смеются.

Это преамбула. А теперь суть: за последние годы, на мой взгляд, ирония из средства самозащиты превратилась в важный и весьма агрессивный элемент государственной идеологии. Если оттолкнуться от лозунговой классики, то можно сформулировать так: «Капитализм есть частная собственность плюс иронизация всей страны». Выглядит поначалу неожиданно, но — порассуждаем.

Помните, при социализме сатира была эдакой смешливой Золушкой, которая, старательно начищая хозяйские позументы, иногда прыскала в ладошку? Но Золушка вышла замуж за принца, а принц в результате дворцового переворота стал королем. И вот сатира-золушка становится чуть ли не главным действующим лицом нашей жизни, заполняет эфир и печать, без сардонической усмешки теперь вроде как и слово-то сказать неудобно. Сатирик вместо генсека поздравляет теперь народ с Новым годом. Тенденция...

Смеясь, человечество расстается со своим прошлым. Хоть и сказано классиком, ныне не почитаемым, но ска-

зано в принципе верно. Но ведь можно взглянуть на это и с точки зрения управляемых процессов. Заставить общество забыть о своем прошлом, а лучше даже возненавидеть его — задача любой революции, особенно если воплощение ее идеалов в жизнь идет неважнецки.

А теперь постарайтесь вспомнить смысл юмористических и сатирических произведений, слышанных и читанных вами за последние годы. Смысл таков: какая постыдно смешная жизнь была у нас ДО, как нелепы люди, тоскующие о прошлом, как омерзительны те, кто пытается сопротивляться тому, что наступило ПОСЛЕ. Но ведь это как две капли воды похоже на пресловутое «одемянивание» литературы, предпринятое в свое время большевиками. И суть та же. Сидя в измордованном, голодном Петрограде, обыватель не должен был вспоминать о прошлом как об относительно спокойной и безбедной жизни, пусть даже и с квартальным. Он должен был вспоминать исключительно о проклятом царизме с фабрикантами-кровососами, попами-пьяницами и т. д. История, увы, повторяется, и не в лучших своих эпизодах. Поговорите сегодня с пенсионеркой, роющейся в мусорном баке! Она между делом охотно поведаст вам про злодеев-партократов, схававших народные денежки за границей, а может быть, и расскажет неприличный анекдот про Брежнева, слышанный давеча по телевизору в передаче, посвященной вопросам организации детского питания. Этот тотальный иронизм напоминает мне массовый забег партхозактива в городе, где первый секретарь увлекается бегом трусцой...

Тут я хочу сделать небольшое мемуарное отступление, имеющее, впрочем, отношение к нашим рассуждениям. Однажды в пору моей комсомольской юности (а у меня была-таки именно комсомольская юность) мне дали поручение — пригласить на вечер отдыха молодежи какого-нибудь профессионального юмориста. Я отправился в Москонцерт, но там мне объяснили, что в связи с праздничными мероприятиями всех мастеров веселого жанра расхватили, остался один, но брать его не советуют.

Почему? В ответ только отвели глаза, как отводят родители, когда их чадо испортит за столом гостям аппетит. Я же все-таки пригласил и получил в результате выговор, правда без занесения. Дело в том, что мой юморист, лепетавший какую-то хреновину про тещу, про пиджак с брючинами вместо рукавов, про «диван с матросом», был освистан и позорно согнан со сцены... К чему я это? Объясню, но сначала еще одно воспоминание.

Когда я был молодым писателем... Напомню, существовала такая категория трудящихся, коварно опекаемая тоталитарным государством, а ныне честно, без сусюканий, умертвленная государством демократическим. Так вот, когда я был молодым поэтом, мы организовывали небольшие литературные бригады и ездили на заработки по линии бюро пропаганды по городам и весям, выступали перед рабочими, колхозниками, трудовой интеллигенцией... Сатирик-юморист являлся непременно членом такого скоротечного трудового коллектива, и поэтому за несколько лет передо мной прошел почти весь веселый цех отечественной словесности. Обратил я внимание на одну любопытную деталь: обычно сатирик во время встречи исполнял одну-две-три собственные вещицы, остальное же — шутки, репризы, хохмы, даже экспромты — были у всех совершенно одинаковые, слово в слово. Да и сами они не стесняясь именовали это «коммунальным юмором», объясняя, что добрая острота в голову приходит редко, а жить-то надо да и народ смешить тоже.

Теперь о том, к чему это я, сравнительно молодой еще человек, вдруг впал в мемуаристику. Того самого освистанного юмориста я нынче чуть ли не каждый день вижу по телевизору, острит он так же бездарно — только теперь не про «диван с матросом», а про «неверного Руслана» или про сталинские усы... Только освистать его теперь нельзя, разве что ящик выключить. Попадаются и бывшие спутники давних поездок на заработки. Юмор все тот же — коммунальный, но только теперь все, как один, шутят про «страну, которую путчит», про «парламент, который

можно преобразовать в дурдом простой сменой вывески», и т. д. В общем, в смысле качества ничего не изменилось. Изменилось лишь — разительно! — количество людей, охватываемых этим неприличным качеством. Плохонький юмор, да свой! Ильич ведь тоже Демьяна невысоко ставил, а жил он, Бедный, между прочим, в Кремле. Параллели, думаю, проведете сами.

А я, раз уж коснулся телевидения, продолжу эту тему. Да, раньше, при социализме, у нас было очень серьезное телевидение. Юмор строго дозировался, точно критические абзацы в партийном докладе. Да, это было телевидение со сжатыми зубами. Сегодня мы имеем зубоскалящее телевидение. Что лучше, право, не знаю... Ну почему, например, я должен выслушивать последние вести из уст дикторши, которая непрестанно кривит эти самые уста в саркастической усмешке? Мне нужна информация, а не личное отношение к этой информации служащего(ей) ТВ. Оно меня абсолютно не интересует, как не интересует, что думает о жизни и политике кассир Сбербанка, куда я ношу мои деньги.

Нет, конечно, я не младенец и понимаю: идет политическая борьба, где основной прием — представить противника одновременно дураком и жуликом. Как соединяются в человеке эти два достаточно разнонаправленных качества — не важно. Ладно, есть специализированные передачи, где политики, как в известных западных шоу, могут на глазах у всей страны вывалить друг друга в грязи. Ведь сказано же: политика — дело грязное. Но ухмыляющийся диктор! Ведь, как я понимаю, в его задачу входит по возможности с выражением и без речевых ошибок донести до рядовых налогоплательщиков, среди которых могут быть и горячие сторонники президента, и не менее горячие противники, текущую информацию. И все? И все. Но нет: он, диктор, скорее будет запинаться, путаться, разевать по-рыбьи рот, позабыв нажать какую-то кнопку, но никогда не забудет съязвить по поводу того, что Руцкому здорово пришлось бы раскошелиться, найми он

носильщиков, чтобы перетащить свои чемоданы с компроматом. Стоило корячиться, ломать советскую империю лжи, чтобы дикторы снова были у нас бойцами идеологического фронта да еще отличниками боевой и политической подготовки! Да что там дикторы... Я накануне референдума в метро слышал, как дежурная при эскалаторе говорила в микрофон: «Не ставьте вещи на ступеньки. Держитесь за поручни. ДА — ДА — НЕТ — ДА...»

Если б я писал специальную статью об иронизации ТВ в рамках иронизации всей страны, мне, конечно, пришлось остановиться бы подробно на появлении особого типа теле-интервьюера, которому важно не выспросить «гостя студии», а высмеять его. Зачем? Старший приказал. Эти журналисты отличаются друг от друга лицом, полом, интеллектом, но есть неизменно общее: ангажированность под видом правдолюбия и хамство под видом ироничности.

По моему глубокому убеждению, ирония приличного человека предполагает прежде всего самоиронию. Это как бы нравственное условие, дающее право смеяться над другими, точнее — и над другими. Этот маленький союзик «и» имеет огромное моральное, этическое значение! Потеряй его — и тогда можно иронизировать, а верней, уже глумиться над чем угодно, даже над тем, что по крайней мере в христианской этике табуировано, например, над смертью, пусть даже врага. «Ликовать — не хвастливо в час победы самой» (А. Твардовский).

Впрочем, хвастливость и глумливость могут поначалу просто мелькать в литературном эксперименте и выглядеть как тонкая игра насмешливых реминисценций, без чего и сам я, грешный, честно говоря, не представляю себе творчества. Но есть «заветная черта» — ее лучше не переступать, даже эпатируя публику:

О страна моя родная,
Понесла ты в эту ночь
И не сына и не дочь,

А тяжелую утрату.
Понесла ее куда ты?

Д.А. Пригов

Спустившись с горних высот литературного эксперимента, эта «некротическая» ирония превращается в пошлое газетное зубоскальство. Очень мне запомнился один случай. В разделе «Происшествия» заголовок «Генерал — в лепешку!». Едучи в черной, естественно, «Волге», какой-то генерал врезался в КраЗ. Оказывается, даже генералы разбиваются в лепешку. А в следующем номере — абсолютно искреннее прощание с «давним другом и автором нашей газеты» генералом имярек, «погибшим в результате трагической случайности». Просто генерал своим оказался. А если б чужим?

Потом, вырвавшись на простор политической борьбы, этот «некротический иронизм» уже не знает удержу. Достаточно напомнить читателю постоянные остроты в СМИ по поводу самоубийства Пуго. Лично недавно видел по телевизору передачу, где явно неприличные стихи приличного в общем-то поэта иллюстрировались почему-то портретом бывшего министра внутренних дел в траурной рамке. Зачем? Ведь самоубийство после неудавшегося политического замысла — поступок, заслуживающий если не подражания, то уважения. А может, именно затем... Ведь у нас есть политики, наворотившие такого, что не застрелиться — четвертоваться впору, а они живут припеваючи и организуют что-то среднее между фондами и фрондами...

Обобщим. Превращение иронии в госидеологию, точнее, в идеологию правящей политической партии ведет в конечном счете, какие бы цели оно ни преследовало, к снижению нравственности в обществе. От насмешки над чужой смертью до бессмысленного убийства случайного прохожего не так уж и далеко. Ирония — это форма инакомыслия, свойственная человеку, если верить некоторым ученым, с преисторических времен. У нас в стране

за последние годы ирония превратилась в форму борьбы с инакомыслием. Причем осмеянию подвергается не суть инакомыслия, а сам его факт. Точно так же, как партюкраты боролись не с причинами диссидентства, а лишь с его явными проявлениями. Но они-то, упертые, делали это всерьез, а нужно, оказывается, шутя. Гораздо эффективнее...

«А что, — спросите вы, — разве нынешняя оппозиция не насмешничает, не иронизирует, не издевается?» Без сомнения! И если, придя к власти, она тоже захочет сделать иронию госидеологией, я напишу новую статью. И начну ее, быть может, такими строчками классика:

Я не люблю иронии твоей.

Оставь ее отжившим и не жившим...

Н. Некрасов

«Литературная газета», август 1993

ПАРУСА НЕСВОБОДЫ

Нынешнее наше отношение к собственной недавней истории иногда напоминает мне запоздалую и неумную мстительность разведенной жены, которая, вернув свою полузабытую девичью фамилию, принялась бегать по соседям и всем рассказывать о том, какой ее бывший муж был хам, сквалыга и скотина. А соседи, вежливо кивая, только подсмеиваются, ибо новый, поселившийся у разведенки мужик от прежнего отличается разве лишь тем, что брюхо имеет поболее да шею полиловее и погрязнее...

Редкий нынешний деятель культуры, добравшись до эфира, не заведет речь о монстре тоталитаризма и вампире социализма, изначально враждебных творческой личности и погубивших талантливых людей без числа. Сказав об этом, как в прошлые времена поблагодарив партию о заботе, можно начинать разговор и по существу: